

СМЕРТЬ ФРУНЗЕ

Бытует легенда, что некие наборщики вышли из типографии то ли гранки "Повести непогашенной луны" Бориса Пильняка, то ли часть конфискованного тиража "Нового мира" (№ 5, 1926 г.), иде эта повесть была напечатана, а с тех пор "криминальный" текст хранился на чердаках чьих-то дач. В СССР ходила по рукам и "тамиздовская" книга, повествующая о загадочной смерти командарма Гаврилова. Читатели не сомневались, что поводом к ее написанию послужила, вопреки публичным заверениям автора, гибель наркомвоенмора Михаила Фрунзе.

Герой повести Пильняка Гаврилов умер на операционном столе от сердечного шока: "организм, не принимавший хлороформа, был хлороформом отравлен". В годы перестройки Рой Медведев выдвинул иную версию смерти Фрунзе: "Он умер в конце 1925 года во время неумело и халатно проведенной медицинской операции". Что же произошло на самом деле?

Фрунзе испытывал болезненные ощущения в области живота на протяжении почти десяти лет. Повторявшиеся приступы боли обсуждались на врачебных консилиумах. Участники первого из них под председательством наркома здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко 8 октября 1925 года рекомендовали хирургическое вмешательство. Фрунзе перевели из кремлевской больницы в Боткинскую, и 29 октября доктор В. Н. Розанов приступил к операции. Ему ассистировали профессоры И. И. Греков и А. В. Мартынов, наркоз проводил А. Д. Очкин. На операции присутствовали сотрудники лечебно-санитарного управления Кремля П. Н. Обросов, А. М. Касаткин, А. Ю. Канель и Л. Г. Левин.

Большой перед операцией трудно засыпал и плохо переносил наркоз. Операция длилась 35 минут, наркоз давали в течение 65 минут. В связи с падением пульса прибегали к впрыскиваниям, возбуждающим сердечную деятельность, а после операции бросились с сердечной недостаточностью, в чем участвовал хирург из отделения Розанова Б. И. Нейман и профессор Д. Д. Плетнев. Однако лечебные воздействия оказались безуспешными. Через 39 часов Фрунзе скончался "при явлениях паралича сердца".

Спустя 10 минут после его смерти, в ночь на 31 октября в больницу прибыли И. В. Сталин, А. И. Рыков, А. С. Бубнов, И. С. Уншлихт, А. С. Енукидзе и А. И. Микоян. Вторично они собрались у тела покойного в то же утро в анатомическом театре Боткинской больницы. Прозектор записал, обнаруженные при вскрытии недоразвития аорты и артерий, а также сохранившаяся зубная железа являются основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу.

Основной вопрос - почему возникла сердечная недостаточность, приведшая к смерти, - остался без ответа.

Семашко на заседании правления Общества старых большевиков в середине ноября 1925 года, отвечая на вопросы по поводу смерти Фрунзе, сообщил, что состав консилиума определяла лечебная комиссия ЦК РКП(б). Розанов пытался уклониться от выполнения операции, но после вызова в Политбюро, где Сталин объяснил ему необходимость радикального лечения наркомвоенмора, изменил свою позицию.

Сохранилось последнее письмо Фрунзе к лечившейся в Ялте жене: "Ну вот, наконец подошел и конец моим испытаниям. Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет и операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах. Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только иди, а даже думать об операции..." Телеграмма о смерти мужа опередила это письмо.

Не прочитанное адресатом, оно вернулось в Москву и было сдано в архив.

Однако от наблюдательных людей не ускользнула эмоциональная напряженность Фрунзе. Своему другу И. К. Гамбургю он передал свою последнюю волю: "Ты знаешь, что я могу умереть под ножом. Это не обязательно, но может случиться. Никто не может быть гарантирован от случайностей... Если что произойдет со мною, я прошу тебя пойти в ЦК и сказать о моем желании быть похороненным в Шуе". Ту же просьбу он повторял другим лицам. Завещание, впрочем, не было принято во внимание: Фрунзе похоронили у Кремлевской стены.

Друзья Фрунзе настойчиво советовали ему отказаться от операции. И все же утром 28 октября он был выписан из кремлевской больницы и посту-

Расход хлороформа, как свидетельствуют документы, превосходил в случае с Фрунзе максимально возможные пределы в несколько раз, не говоря уже о том, что препараты применялись в комбинации.

Повторюсь: научные работы, посвященные применению хлороформа и эфира, достаточно регулярно публиковались в России с 1905 года, так что ссылки на неисследованность данной проблемы и неопытность врачей просто несостоятельны. Случившиеся неблагоприятные исходы операций объяснялись, как писали тогда, неумением или невниманием наркотизатора, который бесконтрольно лил на маску хлороформ как безобидное вещество. Но мог ли наркотизатор, принимавший участие в операции наркомвоенмора, одного из "богов" на тогдашнем Олимпе власти, проявить не-

Нестандартно мыслящий нарком, пользовавшийся авторитетом в армии да еще замкнувшийся на некоторые "незыблемые догмы", явно плохо вписывался в дружные ряды необразованных и ревнивых властителей страны. Вдобавок Фрунзе лояльно относился к партийной оппозиции: "Конечно, оттенки должны быть и будут. У нас ведь 700 000 членов партии, руководящих колоссальной страной, и нельзя требовать, чтобы эти 700 000 человек по каждому вопросу мыслили одинаково".

Летом 1923 года Фрунзе участвовал в "пещерном совещании" партийных деятелей на Кавказе, платформу которого Сталин, спустя полтора года, назвал "беспринципной". Фрунзе, по свидетельству секретаря Сталина Б. В. Бажанова, тогда уже не устраивал генсека, но наркомвоенмора поддерживал

нились все составные элементы русского Наполеона". Статья стала известна партруководству. По свидетельству Бажанова, Сталин увидел во Фрунзе будущего Бонапарта и высказал резкое недовольство этим "внутри тройки" (Сталин-Камнев-Зиновьев). Затем он вдруг проявил трогательную заботу о Фрунзе, сказав: "Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников". После чего Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе согласиться на операцию.

Никто не обратил тогда внимания на абсурдность положения, когда государственные деятели высшего ранга, не имеющие представлений о медицине, обсуждают врачебные вопросы и требуют от хирургов проведения операции. Зато была подчеркнута причастность Каннера (одного из секретарей Сталина) и врача ЦК РКП(б) Э. Д. Погосянца к ее организации.

В интервью журналистам доктор Греков говорил о радостной улыбке умиравшего Фрунзе, получившего записку Сталина. Вот ее текст: "Дружок! Был сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти - не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем... Коба".

Вскоре наркомом по военным и морским делам и председателем РВСР стал Ворошилов.

А в середине 30-х годов печально завершилась судьба большинства лечивших Фрунзе врачей.

В начале 30-х Розанов заведовал хирургическими отделениями Боткинской и кремлевской больниц, консультировал в лечебно-санитарном управлении Кремля и больнице ОГПУ, руководил кафедрой хирургии Центрального института усовершенствования врачей и участвовал в заседаниях Моссовета, куда его избрали в год "великого перелома". Очкин унаследовал потом должности своего патрона, ему присвоили ученую степень доктора медицинских наук без защиты диссертации, а через три года звание профессора. В ранге профессора оказался тогда и Касаткин.

Хирурги же, оперировавшие Фрунзе, один за другим внешне запно скончались в течение 1934 года. Первым погиб "от сепсиса" Мартынов. Незадолго до смерти он спокойно председательствовал на областной клинической конференции врачей Москвы и Московской области. За ним последовал Греков, внезапно умерший 11 февраля "вследствие ослабления сердечной деятельности" во время заседания в Ленинградском институте усовершенствования врачей. В мае 1934 года сам Розанов перенес отек легких, а в октябре умер вследствие "сердечной недостаточности". Отстраненная от должности главного врача кремлевской больницы в 1935 году, Канель умерла в феврале 1936 года. Левина и Плетнева арестовали в 1937-м и в марте 1938-го осудили по делу "антисоветского правотроцкистского блока". Дочерей и зятя Канель репрессировали в 1939 году. В августе 1937 года арестовали Обросова.

Очкин и Касаткин дослужились до юбилейных эпитетов "замечательный" и "выдающийся" врач. В течение трех суток Очкин наблюдал в 1939 году мучения вдовы Ленина, погибшей от перитонита, но от хирургического вмешательства отказался в связи с тяжестью состояния больной. А через неделю, в Международный женский день 8 марта, Очкин был награжден орденом Ленина.

Виктор ТОПОЛЯНСКИЙ,
кандидат медицинских наук.
(Полностью статья будет опубликована в № 6 журнала "Вопросы истории").

(Фото из фондов ЦГАКФФЛ Республики Карелия)

"Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу".
(И. Сталин).

пил в Боткинскую. Каждый из оперировавших Фрунзе хирургов имел свою научную школу, был, несомненно, блестящим специалистом. У Фрунзе же хирургическое вмешательство, судя по оставшимся документам, ограничилось ревизией органов брюшной полости и рассечением части спелек. Говорить о неумело и халатно проведенной операции не приходится. Речь может идти только об очень веской причине, помешавшей хирургам произвести намеченную операцию.

Согласно официальному сообщению, больной трудно засыпал и плохо переносил наркоз. Приступить к операции смогли только через 30 минут. Для общего обезболивания Фрунзе применили первоначально эфир, но затем из-за резкого и длительного возбуждения перешли на анестезию хлороформом. При этом было израсходовано 60 г хлороформа и 140 г эфира. Иными словами, расход эфира составил 7 г/мин., хлороформа - 1,33 г/мин. Между тем хлороформ представляет собой токсичное наркотическое средство. Разница между его наркотической и смертельной дозами столь мала, а угроза передозировки столь велика, что благополучный исход операции зависел прежде всего от опытности наркотизатора.

Во всяком случае, уже тогда было известно, что скорость поступления хлороформа в организм не должна превышать 1 г/мин, а эфира - 1,75 г/мин. Совместное же использование эфира и хлороформа резко усиливает токсическое действие. Поэтому при комбинации данных препаратов их дозы всегда уменьшали.

бренность? Насколько компетентным был анестезиолог Очкин? По окончании медицинского факультета Московского университета в 1911 году и трехлетней стажировки в отделении Розанова он работал хирургом в Солдатенковской больнице и к 1916 году вырос до старшего ординатора. С 1919 по 1921 годы служил в Первой конной армии главным врачом хирургического госпиталя. В 1922-м его пригласили в лечебно-санитарное управление Кремля. Сомнительно, чтобы за все эти годы у него накопился практический опыт по общей анестезии, где именно практические навыки имеют порой решающую роль.

Явных врагов у Фрунзе среди руководящих деятелей СССР не было. Но, мягко говоря, довольно непростые отношения сложились у него с двумя военачальниками: Ворошиловым и Буденным.

В 1924 году комиссия Реввоенсовета республики под председательством Фрунзе разработала принципы военной реформы: ликвидация пережитков военного коммунизма в армии, сосредоточение стрелковых, административных и хозяйственных функций в руках командира, хотя бы и беспартийного. К сентябрю 1925 года основной акцент реформы сместился в сторону введения жесткого единоначалия. "Прежняя система двоевластия, выванная политическими соображениями", мешая поставить "во главе наших частей людей, обладающих достаточной самостоятельностью, твердостью, инициативностью и ответственностью". Надо "иметь единый, вполне равновесный командный состав, не разделяя его в служебном отношении на партийцев и беспартийных".

Зиновьев.

1925 год был отмечен целой серией "случайных" катастроф. Вначале - серия трагических инцидентов с ответственными работниками Закавказья: 19 марта в Москве внезапно умер "от разрыва сердца" председатель союзного совета ЗСФСР и один из председателей ЦИК СССР Н. Н. Нариманов. 22 марта в авиационной катастрофе погибли 1-й секретарь Закрайкома РКП (б) А. Ф. Мясников, председатель Закчека С. Г. Могилевский и летчик с ними уполномоченный Наркомата почт и телеграфов Г. А. Атарбеков.

"Случайности" между тем продолжались: 27 августа под Нью-Йорком при невыясненных обстоятельствах погибли Э. М. Склянский - бессменный заместитель Троцкого в период гражданской войны, отстраненный от военной деятельности весной 1924 года и назначенный председателем правления треста "Моссукуно", и председатель правления акционерного общества Амторг И. Я. Хургин. 28 августа на подмосковной станции Парово погиб под поездом давний знакомый Фрунзе, член Реввоенсовета 6-й армии во время перекопской операции, член бюро Иваново-Вознесенского губкома партии, председатель Авиагостета В. Н. Павлов.

Примерно между 1 и 3 сентября Фрунзе "выпал" из автомобиля на полном ходу. Неделю раньше в автоаварии погиб близкий к наркомвоенмору начальник Мосгубмилиции Ф. Я. Цируль. Между тем в английском ежемесячнике "Аэроплан" появилась статья о Фрунзе "Новый русский аэрожд". "В этом человеке, - говорилось в статье, - объеди-